

УДК 122/129

UDC 122/129

09.00.00 Философские науки

Philosophical science

ТЕХНОФОБИЯ В ФИЛОСОФИИ**TECHNOPHOBIA IN PHILOSOPHY**

Спасова Наталья Эдуардовна
к.филос.н., доцент
РИНЦ SPIN-код: 1755-7879
Кубанский государственный аграрный университет; Россия, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, natalia.spasova@mail.ru

Spasova Natalya Eduardovna,
Cand.Philos.Sci., associate professor
SPIN-code: 1755-7879
Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Васильева Анна Сергеевна
к.филос.н.,
РИНЦ SPIN-код: 4338-9488
Кубанский государственный аграрный университет; Россия, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, vasanne83@gmail.com

Vasileva Anna Sergeevna
Cand.Philos.Sci.,
SPIN-code: 4338-9488
Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Статья посвящена анализу позиций некоторых философов, которые негативно оценивают роль техники в жизни человека и общества. В исследовании рассматриваются позиции Э. Юнгера, Ф. Юнгера, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др. Кроме того, авторы обращаются к наследию А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, М. Макклюэна. В данной работе показано как методы формализации и символизации в науке переносятся в области гуманитарного знания и духовной жизни, обедняя их, превращая «понимающее мышление в исчисляющее». Исчисление становится признаком механизированной действительности, в которой образование, трудовая деятельность, бытовая жизнь также подчиняются принципам механизации. Экстраполяция механики во все сферы человеческого существования ведет к разрушению гуманистических принципов: мир как механическая система – это мир, где один элемент можно заменить другим, где каждая часть представляет собой только объект для изучения и манипуляции. В статье также раскрывается тенденции превращения людей в массы именно на основе рационально-исчисляющей традиции Нового времени. Таким образом, в этой работе поставлены проблемы, угрожающие самой сути «человечного», «человеческого» и сформулирован посыл для дальнейших поисков способа разрешения вопроса о дегуманизации в связи с техническим развитием, при невозможности полностью от него отказаться

The article is devoted to the analysis of positions of some philosophers who negatively estimate a role of equipment in human lives and societies. It discusses the philosophical concepts of E. Yunger, F. Yunger, M. Heidegger, K. Jaspers, etc. Besides, the authors of this article address to A. Schopenhauer, F. Nietzsche, M. Makklyuen's heritage. In this work it is shown as methods of formalization and symbolization in science are transferred to areas of humanitarian knowledge and spiritual life, impoverishing them, turning "the understanding thinking in estimating". Calculation becomes a sign of the mechanized reality in which education, work, household submit also to the principles of mechanization. Extrapolation of mechanics to all the spheres of human existence leads to destruction of the humanistic principles: the world as mechanical system is the world where one element can be replaced with another where each part represents only object for studying and manipulation. In the article we also describe tendencies of transformation of people into masses on the basis of the rational estimating tradition of Modern times. Thus, in this work the problems menacing to the essence of "human" are being put and the message for further searches of the way of permission of the question of dehumanization in connection with technical development is formulated, when it is impossible to refuse it completely

Ключевые слова: ТЕХНОФОБИЯ, ТЕХНИКА, ТЕХНОЛОГИЯ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, МЫШЛЕНИЕ, ГУМАНИЗМ, ЧЕЛОВЕК-МАССА

Keywords: TECHNOPHOBIA, EQUIPMENT, TECHNOLOGY, RATIONALITY, THINKING, HUMANITY, PERSON WEIGHT

Научно-техническая революция стала источником крупного направления в философии – философия науки и техники. Данная дисциплина рефлексует над источником, принципами развития, влиянием на человека и общества научно-технического прогресса. Целая плеяда философов высказала сомнения о позитивной роли науки и техники. Особенно страх перед ними стал развиваться в эпоху войн, которые прославились своей технологической изощренностью в первой половине XX века. Тогда стала ясна одна из перспектив техногенного развития цивилизации: техника может быть использована в качестве средства, обеспечивающего практические, прагматические цели человека, то есть позволяющего человеческому индивиду сохранять его жизнь, формировать наиболее комфортные условия существования; современная цивилизация выявила еще одно предназначение техники - развлечение. Последнее играет важнейшую роль в обществе сегодня. На наш взгляд, развлечение оправдано не только психологическими потребностями человека, но и экономическими потребностями цивилизационного развития. Продажа «развлекательной» техники может обеспечивать вложения в фундаментальные исследования, финансировать науку. Однако все это меркнет перед ужасами войны. Э. и Ф. Юнгеры, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж. Эллюль, Л. Мамфорд, М. Макклуюэн и др. размышляли над результатами технического прогресса и, отнюдь не всегда, давали позитивную, а, напротив, даже негативную оценку научно-технического прогресса. В связи с этим наметился ряд направлений в философии техники: в первую очередь можно обратить внимание на само отношение человека к технике, затем на роль техники в жизни человека и общества, ее влияние на человека, последствия данного влияния. Главным становится вопрос о последствиях технического развития. Прогнозы на будущее в связи с настоящей трансформацией человеческой личности и культуры – важнейшая часть социально-гуманитарного знания.

Мнения европейских философов, изучающих феномен техники, расходятся: кто-то видит в технике разрушительную силу, демонизм, неизбежно влекущий человечество к уничтожению, другие называют технику вершиной человеческой эволюции. В философском исследовании техники, как, в принципе, и науки, можно выделить три основные тенденции: первая опирается на идею о благодати технических изделий, необходимости активного развития техники, ее повсеместного распространения; вторая тенденция находится в оппозиции к первой, утверждая опасность техники для человечества, которая зиждется на извращении человеческой сущности; последняя позиция пытается объединить и смягчить две противоречивые тенденции, принимая реальность технического развития и признавая необходимость поставить технику на службу человеку, создать гармоничную цивилизацию, в которой техника как специфический, но важный ее элемент, не будет средством подчинения человека. Технофобская позиция ярким контуром очерчивает проблематику, связанную с технологической цивилизацией, давая пессимистические прогнозы относительно последствий научно-технического прогресса.

О том, что развитие науки и техники изменит менталитет человека, предупреждал ещё Фридрих Ницше. До тех пор, пока человек был подвластен природе, он относился к ней почтительно как к чему-то сакральному, божественному. Отрицание бога и утверждение человеческой власти над сущим, Ф. Ницше назвал «европейским нигилизмом». Начиная с XVII века, человек начинает считать себя властелином мира и потребительски относиться к природе, мало задумываясь о последствиях. Становление техники связано с новоевропейской цивилизацией: «Модернистская культура Нового времени раскрывается в идее «власти над природой». По сути, основные интенции этой эпохи подспудно задаются вопросом о господстве над окружающим

миром, о необходимости постичь технологии власти над материальной средой. Постигание устройства механизма природы стало условием веры в высокие способности разума. С помощью последнего осуществляется стремление “благоустроить” окружающую действительность, сделать ее “эффективной” и “эргономичной”. Завладеть техникой управления природой человек модерна может в случае расширения своих знаний» [1, С. 3]. Философ Освальд Шпенглер, называл западный менталитет «фаустовским» сознанием, которое отличается неутомимым поиском овладения миром, ненасытной волей к власти. С точки зрения Шпенглера, это сознание, изобретая научный язык и преподнося научные знания как последний критерий истины, достигло высших пределов абстракции, но оно оторвано от текучей, изменчивой жизни и потому ущербно. Именно воля к власти, которой было одержимо фаустовское сознание, привело к развитию науки и техники. Однако реализованный в дальнейшем проект технологизации жизни привел к парадоксальным последствиям: изначально техника создавалась, чтобы высвободить человека из подчинения природе, но теперь техника завоевала все сферы человеческой жизни, превратив самого человека в механизм технической машины. Карл Ясперс задал по этому поводу интересный вопрос: «как человек, подчиненный технике, в свою очередь станет господствовать над ней»? [8, С. 188].

В современной жизни мы испытываем невероятную зависимость от техники, но какие опасности несёт в себе технический прогресс для всего человечества и для каждого индивида в отдельности? Совершенно очевидно каждому, что техника проникла во многие сферы человеческой жизни: научную, образовательную, финансовую, политическую, правовую, и, как утверждает Ф. Юнгер, всюду оставила печать автоматизма. Он замечает, что техника включает человека в организационный процесс очень легко, например, жители крупных городов не могут жить без

комфорта. Эта зависимость от удобств и есть свидетельство того, что люди добровольно становятся частью технической организации. «Если я устанавливаю в своем доме телефон или радиоприемник, - пишет Ф. Юнгер, - я не просто приобретаю ту или иную вещь, а одновременно подключаюсь к телефонной или к радиовещательной сети, я вступаю в ряды организации с централизованным управлением. Эта централизация свойственна всему, что имеет отношение к технике» [6, С. 127]. По мнению Ф. Юнгера, все аспекты жизни принимают вид «аппаратуры»: «государственный аппарат», «юридический аппарат», «экономический аппарат». Техническая организация проникает и в государственную, и в экономическую сферы. Техника проникла и в финансовую сферу, поэтому невыгодно, чтобы финансы, «как богатство», лежали «мёртвым грузом» - они должны постоянно находиться в обращении. Если в прежние эпохи можно было скопить деньги, то теперь деньги стремительно утекают. Накопленные же деньги периодически обесцениваются, поэтому, в современном мире деньги должны не накапливаться, а добываться быстро. Рост технического прогресса напрямую зависит от ускорения денежного обращения.

Производство, как указывает Ф. Юнгер, становится более автоматизированным и человек, обслуживающий его, теперь сам превращается в автомат, совершая монотонно повторяющуюся нетворческую работу. Ф. Юнгер замечает, что механическая работа увеличивает количество узконаправленных профессий, что наиболее заметно в рабочих специальностях. Случается, что рабочий монотонно выполняет один и тот же цикл движений изо дня в день. Из ремесленника рабочий превращается в функционера, выполняющего один и тот же механический процесс, подобно детали часового механизма. Включённый в рамки тотальной организации, рабочий лишается права самоопределения по отношению к своей работе. Такой рабочий легко заменим, как можно

заменить любую деталь механизма. Доля монотонной механической работы растёт во всём мире.

Человеку приходится отказываться от самого себя, если он является деталью глобальной технической машины. К. Ясперс критикует изнуряющий труд, который держит человека в постоянном напряжении и лишает его сил для духовного развития: «в состоянии усталости действуют только инстинкты, потребность в развлечении и сенсации» [8, С. 171].

Философ Л. Мамфорд вводит термин «мегатехника», которая нуждается в выполнении только автоматической работы, которой нужно «машиноуправляемое» существо, пассивно функционирующее, а не человек с его индивидуальными способностями. «Сегодня язык высшей математики и компьютеризация заново породили и тайну, и монополию, позволив возобновить тоталитарный контроль» [3, С. 263].

Техника оказывает своё влияние на организацию образовательных институтов. Технические знания одержали победу над гуманитарными знаниями. По мнению Ф. Юнгера, ставка на технические науки, отвечающая требованиям современности, служит интересам именно технического прогресса. «Знание - сила» - относится лишь к техническим наукам, которые как раз бессильны в духовном отношении. Современные учебные заведения теряют возможность давать всесторонние энциклопедические знания, формируя узкого специалиста, лишённого гуманитарного образования.

«Образованным можно назвать такого человека, который владеет общими идеями, принципами и методами, определяющими подход к рассмотрению разнообразных фактов и явлений, располагает высоким уровнем развитых способностей, умением применять изученное, к возможно большему числу частных случаев» [2], это достижимо с помощью системного философского мышления. Техника же принудительно создаёт организацию, подчиняет стихийные силы

аппаратуры, иссушая и убивая всё духовное. Машина мертва, так как она не движется сама, а приводится в движение. Движущиеся детали машины создают иллюзию живого существ. «Здесь, - пишет Ф. Юнгер, - мертвое вторглось в пространство живого и заняло его место» [6, С. 56]. К. Ясперс уничижительно отзывается о методе тестирования, который получил популярность и используется даже при проверке индивидуальных качеств человека. Мы видим, что в современном образовании проверка гуманитарных знаний приобретает форму тестирования, хотя, преподаватели указывают на ущербность этой формы обучения и проверки знаний. По мнению К. Ясперса, классификации, иерархии и всеобщее упорядочивание, привнесенные в науку Р. Декартом, по сути, отражают машинную структуру, которая переносится на общество в целом.

Современная наука становится служанкой техники – считает Ф. Юнгер. «Научные дисциплины делаются вспомогательными дисциплинами техники, и их процветание зависит от послушания и исполнительности» [6, С. 141]. Главной ошибкой современной науки является функциональное мышление, которое сводит каузальные, причинно-следственные связи физических явлений к математическим функциям. Безликость функционального мышления особенно проявляется на конвейерных заводах, когда рабочий, подобно роботу, совершает автоматические движения. Весь мир, по мнению Ф. Юнгера, развивается в сторону безликого автоматического существования, которое соответствует техническому прогрессу. Чем выше уровень технического прогресса, тем более он организован, и тем более должно быть организовано мышление, его обслуживающее. Функциональное мышление стремится подчинить себе теорию познания. Такое мышление остаётся чуждым для теолога или философа, изучающего теорию воли, проблему судьбы. Функциональное мышление продиктовано волей к власти, то есть подчинение всех законов природы целям потребления. Никакая наука не довольствуется чистым

созерцанием природы, она нацелена на мировую экспансию и преобразование мира. «Имея в своем распоряжении громадный инструментарий, ученый начинает пытаться природу, вымучивая у нее ответы, насильственными методами стараясь проникнуть в ее законы» [6, С. 157]. Точные знания можно получить лишь о тех явлениях, которые повторяются, которым присущи нерушимые законы, но нерушимые законы действуют лишь в механических системах. Природе отводится роль неподвижного субстрата, которая носит страдательный характер, а любовь к природе сводится к жалости, которую испытывают к слабым и беззащитным. Ф. Юнгер пишет, что истина не тождественна повторяемости, но именно на неё делает ставку точное научное знание. Научные претензии на истинность Ф. Юнгер называет «грубым оптимизмом и высокомерной уверенностью в превосходстве нашей цивилизации» [6, С. 165]. Ф. Юнгер утверждает, что сущность современного естествознания заложена уже в философии Р. Декарта, разграничивающей *res cogitans* и *res extensa*, дух и тело, органическую и неорганическую природу, естественные и гуманитарные науки. Так как *res extensa* неживая, ей можно распоряжаться как заблагорассудится, а *res cogitans*, в свою очередь, может претендовать на господствующее положение во всём мире.

Естествознание не может обходиться без механических законов, потому что они обеспечивают точность расчётов, определённую и механическую повторяемость. Согласно Ф. Юнгеру именно механическое понимание времени и обеспечило естественнонаучный механицизм. Без измерения времени нет ни науки, ни техники. Вследствие этого мир, в представлении современных учёных, не более чем часовой механизм. Ф. Юнгер называет тиранической каузальностью осмысление процессов с учётом их протекания во времени и повторяемости, доступной для подсчёта. «Если представить себе землю в виде больших часов, а каждое

мыслимое движение на ней как подлежащее механическому измерению и расчету, то целью научно-технического мышления должно быть познание этого центрального механизма, а применение добытых знаний должно было бы выразиться не в чем ином, как во всеобъемлющей механизации человека» [6, С. 73]. Часы Ф. Юнгер ассоциирует со смертью, придавая ему смысл «memento mori», а часовое время он называет «мёртвым временем», так как оно монотонно и бездушно отсчитывает равные промежутки времени. «Мёртвое» время в отличие от «живого» может быть измерено наиточнейшим образом. Монотонные движения автоматов Ф. Юнгер сравнивает с движением часовых механизмов в «мёртвом времени». Хуже всего то, что человеческое восприятие времени подвержено механическому регулированию, так как оно находится под влиянием техники и становится автоматизированным.

Учёный стремится к максимальной точности в описании исследуемых процессов, используя формальный язык, но его деятельность носит имитационный характер, поэтому абсолютная истина остаётся недостижимой: «задачей науки оказывается точная имитация, и только путем имитации она может подсмотреть у Бога или у природы определенные приемы» [6, С. 131]. Имитационный характер научных знаний заставляет, биологию имитировать механику, приписывая живым организмам механические свойства, словно они мёртвые механизмы.

«Научные дисциплины, - пишет Ф. Юнгер, - делаются вспомогательными дисциплинами техники, и их процветание зависит от послушания и исполнительности» [6, С. 141]. Главной ошибкой современной науки, по мнению Ф. Юнгера, является функциональное мышление, которое сводит каузальные, причинно-следственные связи физических явлений к математическим функциям. Но если всем математическим функциям свойственна обратимость, то в причинно-следственных отношениях её нет. Чем выше уровень технического

прогресса, тем более он организован, и тем более должно быть организовано мышление, его обслуживающее. Функциональное мышление стремится подчинить себе теорию познания. Такое мышление остаётся чуждым для теолога или философа, изучающего теорию воли, проблему судьбы. Функциональное мышление продиктовано волей к власти, то есть подчинение всех законов природы целям потребления. Никакая наука не довольствуется чистым созерцанием природы, она нацелена на мировую экспансию и преобразование мира. «Имея в своем распоряжении громадный инструментарий, ученый начинает пытаться природу, вымучивая у нее ответы, насильственными методами стараясь проникнуть в ее законы» [6, С. 157]. Точные знания можно получить лишь о тех явлениях, которые повторяются, которым присущи нерушимые законы. Последние действуют лишь в механических системах. Природе отводится роль неподвижного субстрата, которая носит страдательный характер. Любовь к природе сводится к жалости, которую испытывают к слабым и беззащитным. Ф. Юнгер пишет, что истина не тождественна повторяемости, но именно на неё делают ставку точные научные знания. Научные претензии на истинность Юнгер называет «грубым оптимизмом и высокомерной уверенностью в превосходстве нашей цивилизации» [6, С. 165].

М. Хайдеггер отмечал, что в современной науке на смену «учёному-эрудиту» приходят учёные, служащие злободневным требованиям узко-специальных научных знаний, и это отражается на способе научного мышления – преобладающим становится вычисляющий способ познания мира. Человек, находящийся во власти формального, цифрового языка, упускает главные онтологические смыслы, не поддающиеся исчислению. М. Хайдеггер предупреждал, что до тех пор, пока человек не поймёт истинного существа техники, он будет её обслуживающим персоналом, а не властелином. «Во всех сферах своего бытия человек будет окружён всё

более плотно силами техники. Эти силы, которые ежеминутно требуют к себе человека, привязывают его к себе, тянут его за собой, осаждают его и навязываются ему под видом тех или иных технических приспособлений, - эти силы давно уже переросли нашу волю и способность принимать решения, ибо не человек сотворил их» [5, С. 108]. К. Ясперс также критикует исчисляющую рациональность, на которой базируется техника, за то, что все научные данные превращаются в количественные характеристики, при этом всё духовное приходит в упадок. Человек объят иллюзией, что всё, что вычислено – надёжно и верно.

Философы критикуют науку за то, что она фиксирует мир и природу, словно застывший предмет. О. Шпенглер утверждает, что наука, вместо красочной жизненной картины мира всё сводит к единообразному числовому порядку, игнорируя процесс становления, в котором пребывает мир. О. Шпенглер противопоставляет целостный образ – «гештальт» - физическим законам, которые всё чувственно воспринимаемое сводят к символам, к единообразному числовому порядку, всё подвергают измерению. Наука работает с природой как с машиной, и что ещё хуже, духовную сферу пытается изучить измерительными средствами.

В современном мире отмирают традиции, как носители духа определённого народа, поэтому человеку приходится жить лишь в настоящем, разрывая связь с прошлым. Но жизнь человека, живущего лишь настоящим, совершенно пуста и бессмысленна: люди, лишённые корней и традиций превращаются в легко подчиняемую и управляемую человеческую массу – в механизмы глобальной машины. «Массы возникают там, где люди лишены своего подлинного мира, корней и почвы, где они стали управляемыми и взаимозаменяемыми. Все это произошло теперь в результате технического развития и достигает все большей интенсивности в следующих своих признаках: сузившийся горизонт, жизнь со дня на день, без действенных воспоминаний,

принудительный бессмысленный труд, развлечения как заполнение досуга, жизнь как постоянная нервная взвинченность, обманчивая видимость любви, верности, доверия; предательство, особенно в юности, а отсюда неизбежный цинизм - ведь тот, кто совершил предательство, теряет уважение к самому себе» [8, С. 193]. К. Ясперс предостерегает, что может случиться так, что техника превратит весь земной шар в единый бездушный муравейник, в гигантскую фабрику, которая без всякого гуманного смысла будет циклично выполнять свою функцию. Механизованная жизнь не способна принести человеку истинное удовлетворение, ведь человек не может довольствоваться лишь витальным бытием.

Превращение в массы легко происходит в крупных городах, в которых люди послушно подчиняются процессу технической организации. Однако, по мнению Ф. Юнгера, техническая организация потребительски относится к людям, ломает волю, не оставляя им времени для творчества и проявления самобытных качеств. И человек, чувствуя бессмысленность технической гонки становится депрессивным, скучающим и несчастным. Техника, не имея возможности сделать человека счастливее в настоящем, может подарить человеку надежду на счастье в будущем, поэтому реклама и пропаганда являются неотъемлемыми спутниками техники. Утопический взгляд на совершенство техники поддерживается целым рядом мифов о её достоинствах, которые оправдывают её безудержное производство. Прежде всего – это миф о том, что техника высвобождает человека от излишней работы, предоставляет свободное время и досуг. Ф. Юнгер приводит ряд доводов, разоблачающих этот миф. Досуг, это удел независимых, творческих людей, но техника поработает человека, захватывает его и заставляет служить себе, и вовсе не уменьшает количества затрачиваемого труда, «напротив, технический прогресс ведет

к постоянному увеличению этих затрат, потому-то в периоды кризисов, которым подвержен технический рабочий процесс, начинается массовая безработица» [6, С. 22]. Несмотря на то, что любая машина может произвести больше, чем живые человеческие руки, количество затраченного труда не уменьшается, просто этот труд меняет своё качество. Техническая организация сама по себе требует огромных затрат, как финансовых, так и трудовых, а обслуживание техники предполагает использование именно ручного труда, следовательно, техника не спасает человека от работы и не высвобождает время для досуга: «Какими бы способами и в какой бы мере мы не улучшали и не умножали технический арсенал, это непременно приведет к подорожанию хлеба» [7, С. 271]. Согласно другому мифу - технический прогресс приносит богатство. По мнению Ф. Юнгера, богатство определяется не обладанием, а той мерой свободы, которая этим богатством обеспечивается – богатым может быть и неимущий. Миф поддерживается определённой социальной конъюнктурой, которая извлекает свою эксплуататорскую выгоду: обогащаются лишь промышленники, предприниматели и функционеры, а простое население охвачено жадой потребления, которая приводит их к обеднению, кредитной зависимости, и, как следствие, недостатком денежных средств. Технический прогресс явился причиной пауперизма, то есть массовой бедности и ярко выраженного социального расслоения. По мнению Ф. Юнгера, техника не может быть рентабельной, и она постоянно приносит убытки. Машины, как правило, недолговечны, они быстро выходят из строя и заменяются новыми, что влечёт за собой, с одной стороны, новое производство, а с другой – разрастание технического мусора, но быстрый износ стимулирует рост потребления.

Техническая цивилизация живет настоящим, в ней все временно. Она приучает человека к перманентному стремлению к совершенству. Постоянство, фундаментальность, устойчивость, абсолютность

представлений, традиций сменяются относительными нормами морали и желанием окружать себя более новыми и «лучшими» вещами: «...жизнь разворачивается в некоем промежуточном пространстве, для которого характерно не развитие само по себе, а развитие в направлении вполне определенных состояний. Наш технический мир не является областью неограниченных возможностей; скорее, его можно охарактеризовать как эмбрион, стремящийся достичь совершенно определенной стадии зрелости. Наше пространство словно уподобляется грандиозной кузнечной мастерской. От взора не может укрыться, что здесь ничто не создается в расчете на долгий срок, чему мы восхищались в строениях древних... <...>. Любое средство носит, скорее, промежуточный, мастеровой характер и предназначено для недолгосрочного использования» [7, С. 254]. Однако проблема долговечного в жизни «маленького человека», с того момента как человечество стало осознавать свое отличие от природы и космоса в целом, оставалась за гранями его существования, хоть и выражалась в приверженности традиции, следованию законам предков. Человек «обычный», его существование и память о нем сотрется через несколько поколений его потомков. Имена миллиардов людей, их жизнь, желания так и останутся в забвении, их тяжелый труд и страдания никогда не будут оправданы.

Ф. Юнгер задаёт вопрос: может ли человек, ставший звеном этой громадной механической цепи, вырваться из-под власти технической организации. Единственный путь к освобождению возможен через осознание рокового существа техники и отказа от утопических мифов относительно полезности технического прогресса. Люди должны осознать, что всё, что создано природой, имеет какую-то цель существования, поэтому её использование должно осуществляться с ограничениями.

М. Хайдеггер менее критически относится к техническому прогрессу. Он считает, что техника – это не просто творение человеческой мысли, это

ответ человечества на вызов бытия, раскрытие потаённости бытия, поэтому человек, создавая технику, выполняет определённую онтологическую роль. Вызов появляется уже тогда, когда у человека возникают научные вопросы. Хайдеггер вводит специальный термин для обозначения выведение техники из потаённости – «постав». «Постав есть один из способов раскрытия потаенности, на который посылает судьба исторического бытия, — а именно производственно-поставляющий способ» [4, С. 235]). Человечество втянуто в этот процесс, потому что такова его судьба, но Хайдеггер напоминает, что человека самого по себе не существует, он не самостоятелен, он включён в жизненную систему всей планеты и потому должен взять на себя полную ответственность за осуществление своей онтологической миссии. Хайдеггер предупреждает, что раскрытие потаённости всегда связано с определённым риском, и этот риск исходит не из самой техники, а из господства поставы, которое способно затмить видение человеком своей роли и внушить ему ошибочное представление о себе, как о «господине земли». Тем не менее, если человек чувствует опасность, исходящую от техники, значит, он становится всё более вопрошающим, и у него появляется шанс вникнуть в существо техники и не допустить трагедии. «Мы можем сказать «да» неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать «нет», поскольку мы запретим им затребовать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность» [4, С. 109]). Хайдеггер называет «отрешённостью» умение сказать технике и «да» и «нет». Это и есть тот высокий уровень обращения с техникой, когда человек организует дистанцию между собой и ей и, тем самым, не даёт себя ей полностью подчинить. Техника, по мнению М. Хайдеггера – это само бытие, поэтому человеку не удастся её покорить, ибо это означало бы покорение самого бытия. Человек заблуждается, если он мыслит себя господином бытия, такое представление отворачивает человека от его

истинного предназначения. М. Хайдеггер надеется, что человечество осуществит спасительный «поворот» в осмыслении себя и своей миссии на Земле. Худшее, что может произойти с человечеством, это если его мышление станет всецело вычисляющим, а значит слепым к потаённым онтологическим смыслам, не являющимся изобретением человечества.

Технофобия как саморазумеющийся феномен в разнообразии оценок значения техники в истории человеческой цивилизации выражается в разной степени неприятия техники и технологии. Обуздание технического прогресса, либо полный отказ от техники – две крайние перспективы пессимистической оценки техногенной цивилизации. Техника предстает как средство овладения природой, мирозданием. Рождение «Глобальной Электронной Деревни» уничтожило традиционное, классическое представление об организации мироздания в его пространственно-временных связях и месте человеческого существа в качестве отдельной личности в этом мироздании. Технологический пессимизм не может разрешить проблемы, вставшие перед современной цивилизацией. Однако его критические исследования позволяют увидеть наиболее приемлемые для сохранения человечества не просто как вида, но и как культурного, этического феномена, пути развития.

Список литературы:

1. Васильева А. С. Трансформация феномена власти в новое и новейшее время [Текст] / А. С. Васильева Трансформация феномена власти в новое и новейшее время // Научный журнал КубГАУ. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2012. – №75(01). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2012/01/pdf/51.pdf>;
2. Данилова М. И., Коваленко Л. В. Образование: сокрытое сокровище? / М. И. Данилова, Л. В. Коваленко. Образование: сокрытое сокровище? // Научный журнал КубГАУ. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2012. – №05(79). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2012/05/pdf/37.pdf>
3. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества [Текст] / Л. Мамфорд. Миф машины. Техника и развитие человечества. Перевод Т. Азаркович, Б. Скуратов (1 глава). - М.: Логос, 2001 – 408 с.;

4. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. с нем. - М.: Республика, 1993.-447 с.- (Мыслители XX в);

5. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге [Текст]: Сборник / М. Хайдеггер. Разговор на просёлочной дороге. Пер. с нем. Под ред. А. Л. Доброхотова.-М.: Высш. Шк., 1991.-192 с. (Б-ка философа)

6. Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность [Текст] / Ф. Юнгер. Совершенство техники. Машина и собственность. - С.-Пб. 2002, 560 с.;

7. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2002. – 539 с., С. 55-441. ISBN 5-02-026781-3;

8. Ясперс К. Истоки истории и её роль [Текст] / К. Ясперс. Истоки истории и её роль. Выпуск 1.- М.: ИНИОН, 1978, 210 с.

References:

1. Vasil'eva A. S. Transformacija fenomena vlasti v novoe i novejshee vremja [Tekst]/ A. S. Vasil'eva Transformacija fenomena vlasti v novoe i novejshee vremja // Nauchnyj zhurnal KubGAU. Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. [Jelektronnyj resurs]. – Krasnodar: KubGAU, 2012. – №75(01). – Rezhim dostupa: <http://ej.kubagro.ru/2012/01/pdf/51.pdf>;

2. Danilova M. I., Kovalenko L. V. Obrazovanie: sokrytoe sokrovishhe? / M. I. Danilova, L. V. Kovalenko. Obrazovanie: sokrytoe sokrovishhe? // Nauchnyj zhurnal KubGAU. Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. [Jelektronnyj resurs]. – Krasnodar: KubGAU, 2012. – №05(79). – Rezhim dostupa: <http://ej.kubagro.ru/2012/05/pdf/37.pdf>

3. Mamford L. Mif mashiny. Tehnika i razvitie chelovechestva [Tekst] / L. Mamford. Mif mashiny. Tehnika i razvitie chelovechestva. Perevod T. Azarkovich, B. Skuratov (1 glava). - М.: Logos, 2001 – 408 с.;

4. Hajdegger M. Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija [Tekst] / M. Hajdegger. Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija. Per. s nem. - М.: Respublika, 1993.-447 с.- (Mysliteli HH v);

5. Hajdegger M. Razgovor na prosjolochnoj doroge [Tekst]: Sbornik / M. Hajdegger. Razgovor na prosjolochnoj doroge. Per. s nem. Pod red. A. L. Dobrohotova.-М.: Vyssh. Shk., 1991.-192 с. (B-ka filosafo)

6. Junger F. Sovershenstvo tehnik. Mashina i sobstvennost' [Tekst] / F. Junger. Sovershenstvo tehnik. Mashina i sobstvennost'. - S.-Pb. 2002, 560 с.;

7. Junger Je. Rabochij. Gospodstvo i geshtal't / Je. Junger. Rabochij. Gospodstvo i geshtal't; Total'naja mobilizacija; O boli. – SPb.: Nauka, 2002. – 539 с., S. 55-441. ISBN 5-02-026781-3;

8. Jaspers K. Istoki istorii i ejo rol' [Tekst] / K. Jaspers. Istoki istorii i ejo rol'. Vypusk 1.- М.: INION, 1978, 210 с.